

Какъ чучелы въ пышныхъ уборахъ своихъ
Иссохшіе члены вращали,
И тлѣнья и ладана смѣсью они —
Признаться, противно воняли.

Одинъ къ удивленью являть даже сталъ
Свое въ краснорѣчьи умѣнье;
Предлинно, прескучно онъ мнѣ толковалъ
За чѣмъ моего ждетъ почтенья.

Во первыхъ за тѣмъ, что мертвецъ; во вторыхъ
Что въ жизни царемъ онъ считался,
А въ третьихъ еще, что слыветъ онъ святымъ; —
Всѣмъ тѣмъ я не тронуть остался.

Взялъ смѣхъ меня право, и я отвѣчалъ:
Не силенъ ты братъ въ убѣжденьяхъ;
Какъ вижу, прошедшему времени ты
Во всѣхъ подлежишь отношеньяхъ.

Прочь, прочь убирайтесь; въ могилѣ сырой
Костямъ вашимъ мѣсто валяться.
Сокровища этой часовни еще
На пользу живыхъ пригодятся.